

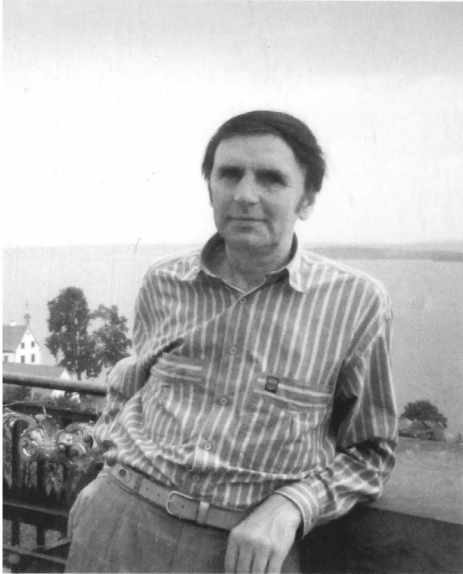
А. А. Зализняк

«РУССКОЕ ИМЕННОЕ
СЛОВОИЗМЕНЕНИЕ»

С ПРИЛОЖЕНИЕМ
ИЗБРАННЫХ РАБОТ
ПО СОВРЕМЕННОМУ
РУССКОМУ ЯЗЫКУ
И ОБЩЕМУ
ЯЗЫКОЗНАНИЮ

Андрей Анатольевич Зализняк родился в 1935 г. Лингвист, специалист в области современной и исторической грамматики русского языка, сравнительного и общего языкознания. Действительный член РАН, профессор. Работает в Институте славяноведения РАН. Параллельно с работой в Академии наук более двух десятилетий пре-

подавал на филологическом факультете МГУ. Преподавал также в университетах Экс-ан-Прованса, Парижа и Женевы; выступал с лекциями в ряде университетов Италии, Франции, Швейцарии, Германии, Австрии, Швеции и Англии. С 1982 г. участвует в работе Новгородской археологической экспедиции и посвящает основное внимание изучению новгородских берестяных грамот.

Основные книги: Русское именное словоизменение (1967), Грамматический словарь русского языка (1-е изд. 1977), Грамматический очерк санскрита (в составе «Санскритско-русского словаря» В. А. Кочергиной, 1-е изд. 1978), От праславянской акцентуации к русской (1985), «Мерило Праведное» XIV века как акцентологический источник (1990), Древненовгородский диалект (1995), Новгородские грамоты на бересте (в соавторстве с В. Л. Яниным) — тома VIII (1986), IX (1993), X (2000).

STUDIA PHILOLOGICA

А. А. Зализняк

«РУССКОЕ ИМЕННОЕ
СЛОВОИЗМЕНЕНИЕ»

*С ПРИЛОЖЕНИЕМ
ИЗБРАННЫХ РАБОТ
ПО СОВРЕМЕННОМУ
РУССКОМУ ЯЗЫКУ
И ОБЩЕМУ
ЯЗЫКОЗНАНИЮ*

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2002

ББК 81.2Рус-2
З 22

Издание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект 01-04-16106

Зализняк А. А.

З 22

«Русское именное словоизменение» с приложением
избранных работ по современному русскому языку и
общему языкознанию. — М.: Языки славянской куль-
туры, 2002. — I–VIII, 752 с. — (Studia philologica).

ISBN 5-94457-066-0

Сборник представляет собой переиздание книги «Русское
именное словоизменение», дополненное значительным количе-
ством менее крупных работ по современной русской грамматике
и общему языкознанию, написанных в течение последних деся-
тилетий.

81.2Рус-2

Электронная версия данного издания является собственностью издательства,
и ее распространение без согласия издательства запрещается.

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G·E·C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has exclusive rights for sales on this book.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки славянской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G·E·C GAD.

ISBN 5-94457-066-0

9 785944 570666 >

© А. А. Зализняк, 2002
© С. А. Крылов. Статья, 2002

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вместо предисловия	VII
Русское именное словоизменение	1
Введение	3
Часть первая. Грамматические противопоставления в русских именных парадигмах	19
Часть вторая. Внешнее выражение грамматических противопоставлений в русских именных парадигмах	103
<i>Приложение. Перечень элементарных классов и элементарных подклассов русских именных парадигм</i>	<i>300</i>
<i>Предметный указатель</i>	<i>323</i>
<i>Указатель слов</i>	<i>327</i>
<i>Избранная библиография</i>	<i>363</i>
<i>Список сокращений и условных обозначений</i>	<i>365</i>
<i>Оглавление</i>	<i>367</i>
Статьи	371
Акцентная система современного русского литературного языка	373
Закономерности акцентуации русских односложных существительных мужского рода	478
О некоторых связях между значением и ударением у русских прилагательных	527
О показателях множественного числа в русском склонении	545
Правило отпадения конечных гласных в русском языке	550
О понятии графемы	559
Древнерусская графика со смещением ъ-о и ь-е	577
О понимании термина «падеж» в лингвистических описаниях	613
К типологии относительного предложения	648
<i>С. А. Крылов. «Русское именное словоизменение» А. А. Зализняка 30 лет спустя: Опыт ретроспективной рецензии с позиций неоструктуралистской морфологии</i>	<i>699</i>
<i>Библиографическая справка</i>	<i>749</i>

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Со времени выхода в свет «Русского именного словоизменения» прошло 35 лет. При такой временной дистанции становится нереальной (и едва ли оправданной) задача нового редактирования текста в свете того, что произошло за это время в лингвистике. Поэтому мы предпочли ограничиться в настоящем издании лишь исправлением замеченных опечаток. Определенное представление о том, что сохранилось за это время в сфере рассматриваемых в книге проблем и что изменилось, даст читателю публикуемая в этом же томе статья С. А. Крылова.

К «Русскому именному словоизменению» примыкает по тематике ряд других работ, посвященных морфологии и акцентологии современного русского языка, которые тоже переиздаются в составе настоящего тома. Кроме того, в том включены работы разных лет по общелингвистической проблематике.

Май 2002 г.

А. А. ЗАЛИЗНЯК

РУССКОЕ
ИМЕННОЕ
СЛОВОИЗМЕНЕНИЕ

Книга содержит исчерпывающую классификацию типов склонения имен (существительных, прилагательных, причастий, числительных, местоимений) в современном русском литературном языке и правила образования всех словоформ любого склоляемого русского слова. Содержащееся в монографии описание системы русского именного словоизменения имеет большое значение, с одной стороны, для таких практических задач, как обучение русскому языку и разработка автоматического синтеза русского текста, с другой стороны, для общей теории словоизменения и для типологического изучения славянских языков.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

В. Н. ТОПОРОВ

ВВЕДЕНИЕ

§ 0.1. Термин «словоизменение» может употребляться в двух смыслах — частном и общем. В частном смысле словоизменением данного слова называется его парадигма, т. е. совокупность всех его словоформ¹. В общем смысле словоизменением данного языка называется соответствие, при котором каждому слову отвечает его парадигма (т. е. его частное словоизменение).

Настоящая книга представляет собой описание именового словоизменения современного русского литературного языка. Под именовым словоизменением понимается та часть словоизменения, которая охватывает так называемые имена, т. е. слова, традиционно относимые к числу имен существительных, имен прилагательных (сюда же включаются причастия), имен числительных и местоимений². Описание сведено здесь к решению следующей практической задачи: произвести классификацию некоторой точно определенной (притом достаточно большой) совокупности русских именных парадигм и дать основанные на этой классификации правила синтеза именных парадигм, т. е. правила, позволяющие

¹ Более точно о парадигме см. § 1.8. Относительно наиболее общих лингвистических терминов (слово, словоформа, существительное, прилагательное, глагол, словосочетание, синтаксическая связь и т. п.) укажем следующее. Здесь и во всех других случаях, где наша цель состоит лишь в том, чтобы по возможности понятно указать, что именно имеется в виду, мы будем употреблять эти термины без каких-либо пояснений, опираясь непосредственно на лингвистическую традицию. В дальнейшем изложении некоторые из этих терминов будут уточнены. Без пояснений в книге используется также несколько математических терминов: алгоритм, множество, теоретико-множественная сумма, разбиение на классы, матрица. Их определения можно найти, например, в следующих работах: определение термина «алгоритм» — в статье В. А. Успенского «Алгоритм» (см.: «Философская энциклопедия», т. I, М., 1960); определения остальных терминов — в приложении к книге П. С. Александрова «Введение в теорию групп» (М., 1954) или в книге Дж. Кемени, Дж. Снелла, Дж. Томпсона «Введение в конечную математику» (М., 1963).

² Именовое словоизменение (как в общем, так и в частном смысле) называют также склонением (так же, как глагольное словоизменение — спряжением). Однако «склонение» часто понимают и в более узком смысле — только как изменение имен по падежам.

построить, в соответствии с существующей литературной нормой, парадигму любого русского имени (из взятой совокупности). Этот раздел русской морфологии изучается уже давно; ему посвящена обширная научная литература. Тем не менее сформулированная выше практическая задача в полном объеме не разрешена.

Непосредственным объектом исследования являются парадигмы всех имен, содержащихся хотя бы в одном из следующих двух словарей: Бильф., АО. Таких имен около 55 000; в дальнейшем мы называем эту совокупность слов «исходным материалом»³. Объем исходного материала достаточно велик для того, чтобы выявились все или почти все возможные типы русских именных парадигм, а также для того, чтобы построенные на его основе правила были практически полезны (т. е. давали лишь незначительный процент ошибок) и за его пределами. В то же время строгое ограничение исследуемого материала дает возможность точно проверить полноту классификации и эффективность любого предлагаемого правила. При изучении отдельных проблем могут быть рассмотрены также те или иные группы слов, не входящие в исходный материал; однако в классификации и правилах синтеза этот дополнительный материал не учитывается.

Всякое описание давно изучаемого объекта, если оно претендует на полноту, неизбежно должно включать значительное количество уже известных фактов, уже встречавшихся трактовок и т. д. Вообще говоря, в таких случаях были бы желательны исторические справки. Однако здесь «история вопроса» так велика, что она должна составить предмет отдельного исследования, едва ли не большего объема, чем само описание. В задачи настоящей работы такое исследование не входило. Имеющиеся в тексте библиографические указания не являются исчерпывающими⁴.

Синтез и классификация

§ 0.2. Описание некоторой совокупности языковых объектов с помощью правил, позволяющих синтезировать (или «породить») эту совокупность из некоторых более простых объектов, уже давно успешно применяется в языкознании; поэтому нет необходимости специально обосновывать законность и эффективность

³ Объем исходного материала определен здесь несколько огрубленно; подробнее см. § 4.1.

⁴ Специально отметим несколько работ, посвященных русскому именному словоизменению, влияние которых наиболее сильно сказалось в настоящей книге: N. D u r n o v o. De la déclinaison en grand-russe littéraire moderne. «Revue des études slaves», t. II. Paris, 1922; P. И. А в а п е с о в и В. Н. С я д о р о в. Очерк грамматики русского литературного языка. М., 1945; P. O. Я к о б с о н. Морфологические наблюдения над славянским склонением. «American contributions to the IV-th International congress of slavists». 's-Gravenhage, 1958.

такого приема описания⁵. Более сложный вопрос представляет собой соотношение между синтезом и классификацией. Рассмотрим его несколько подробнее.

Приступая к решению задачи синтеза, исследователь непременно уже каким-то образом знает всю описываемую совокупность объектов, т. е. будущий результат процедуры синтеза. Например, он умеет построить парадигму любого слова (если речь идет о синтезе парадигм), грамматически правильную фразу с любым заданным смыслом (если речь идет о синтезе фраз) и т. д. Это знание может быть несколько неопределенным, не сформулированным строго, но оно непременно есть; в противном случае исследователь не мог бы построить никакой практически полезной процедуры синтеза. На основе этого знания исследователь прежде всего выделяет существенные признаки, по которым один объект из описываемой совокупности отличается от другого, т. е. производит некоторую классификацию этой совокупности объектов. Выделенные таким образом признаки включаются в состав исходных сведений для синтеза. Если признаки выделены достаточно удачно, сама процедура синтеза оказывается легко осуществимой.

Таким образом, классификация является необходимой предварительной ступенью для синтеза. Она может выступать в неявной форме, но без нее сколько-нибудь разумный синтез невозможен. Так, например, при синтезе парадигм у русских существительных на *ь* обычно используется дополнительная информация о роде существительного; эта особенность синтеза в действительности определяется тем, что на одном из этапов предшествующей классификации парадигм было обнаружено существование двух типов парадигм с *И. ед. на ь* (соответственно *день* и *тень*).

⁵ Отметим лишь, что задача синтеза некоторой совокупности языковых объектов (назовем ее *A*), вообще говоря, может пониматься двояко: 1) требуется построить правила, которые порождают все члены совокупности *A* и не порождают объектов, не принадлежащих *A*; 2) требуется построить правила, позволяющие для любого члена некоторой другой совокупности *B* найти (в частности, построить) соответствующий ей объект из *A*. Разница, таким образом, здесь в том, что в первом случае объекты из совокупности *A* рассматриваются сами по себе, а во втором случае — как функция от некоторых других единиц. Примеры задач первого рода: дать правила порождения полного списка морфем, полного списка словоформ, полного списка словосочетаний, полного списка грамматически правильных фраз данного языка. Примеры задач второго рода: дать правила, позволяющие каждому заданному значению (или комбинации значений) сопоставить выражающую это значение морфему или морфему (соответственно — словоформу, словосочетание, фразу). Наиболее естественным средством решения задач первого рода являются исчисления, задач второго рода — алгоритмы. Заметим также, что термины «порождение» и «синтез», по-видимому, было бы естественно разграничить, закрепив первый за решением задач первого рода, второй — за решением задач второго рода. Как видно из § 0.1, в настоящей работе под синтезом именных парадигм понимается задача второго рода: дать правила, которые позволяют для каждого имени построить его парадигму.

Возможна, правда, точка зрения, согласно которой классификацию, лежащую в основе синтеза, не нужно формулировать явно и рассматривать как самостоятельную часть описания: при необходимости она может быть усмотрена из самих правил синтеза. Однако такая точка зрения, обычно применяемая, например, при составлении алгоритмов машинной обработки текстов (т. е. при так называемом общении человека с машиной), оказывается неприемлемой, когда речь идет о лингвистическом описании, предназначенном для людей. Дело прежде всего в том, что извлечение классификации из правил синтеза представляет собой весьма нелегкую операцию, которая может к тому же давать неоднозначный результат. Между тем классификация несомненно представляет собой более удобную форму передачи информации о языке от одного человека к другому, чем правила синтеза, по крайней мере когда речь идет о морфологии (именно поэтому традиционные описания морфологии по своей логической структуре обычно приближаются к классификации). Кроме того, в алгоритмах синтеза, которые опираются лишь на неявную классификацию, всегда возможны ошибки, связанные с неполнотой этой предварительной классификации. Наконец, существенно то, что классификация необходима не только для синтеза, но и для ряда других задач; в частности, классификация парадигм необходима для построения различных аналитических процедур, для составления учебников, словарей, справочных пособий и т. д. По указанным причинам классификация именных парадигм дана в настоящем описании в явной форме и при этом отделена от правил синтеза.

Различительные признаки и их значения. Типы классификации

§ 0.3. Сравнивая между собой какие-либо объекты, мы можем установить, например, что они различаются по цвету, по форме и т. д. Цвет (вообще), форму (вообще) и т. п. абстрактные характеристики мы можем назвать в этом случае **р а з л и ч и т е л ь н ы м а п р и з н а к а м и** сравниваемых объектов, а конкретные цвета (например, белый, зеленый и т. д.) или конкретные формы (например, кубическую, шаровую и т. д.), свойственные данным объектам, — **з н а ч е н и я м и** этих различительных признаков. Мы будем говорить, например, что некоторый предмет имеет значение «белый» различительного признака «цвет» (или, что то же самое, различительный признак «цвет» принимает у данного предмета значение «белый»). Другие примеры: различительный признак «род» принимает у слова *дом* значение «мужской»; различительный признак «глухость—звонкость» принимает у фонемы /б/ значение «звонкость». Следует учитывать, что в обиходной, а также и в научной практике слово «признак» (и даже «различительный признак») часто применяется также к тому, что выше на-

звано значением различительного признака (например, говорят: «признак белизны», «фонема /б/ имеет признак звонкости» и т. п.). Во избежание возникающей при этом двусмысленности мы будем в дальнейшем строго придерживаться описанного выше словопотребления, четко разграничивая различительный признак и его значения.

Всякая классификация некоторой совокупности объектов построена на учете тех или иных различительных признаков этих объектов. При этом возможны следующие два случая: 1) каждый различительный признак, используемый в классификации, принимает какое-то из своих значений у каждого классифицируемого объекта; 2) имеется хотя бы один различительный признак, по которому характеризуются не все объекты, а только их часть. Условимся называть классификацию в первом случае у н и в е р с а л ь н о й, во втором — д р е в о в и д н о й. Универсальная классификация позволяет при необходимости получать разбиение всей рассматриваемой совокупности объектов на классы по любому различительному признаку или по любой группе признаков. Древовидная классификация такой возможности не дает. Она образуется чаще всего в результате последовательных делений следующего типа: вся рассматриваемая совокупность объектов делится по некоторому признаку A , например на классы a_1 и a_2 (для простоты здесь можно считать, что все признаки бинарны, что в действительности необязательно); далее класс a_1 делится по признаку B на подклассы b_1 и b_2 , а класс a_2 делится по признаку C на подклассы c_1 и c_2 , и т. д. (Отсюда выбор самого термина «древоидный»). Примером древоидной классификации может служить традиционное деление звуковых единиц на гласные и согласные, с последующим делением гласных, например, по степеням подъема, а согласных по месту образования и т. д. Примером универсальной классификации может служить классификация фонем с помощью различительных признаков, предложенных Р. Якобсоном (при условии, что значение «ни плюс ни минус» признается особым, третьим значением всякого признака).

С чисто технической точки зрения универсальный тип классификации имеет определенные преимущества перед древоидным. Прежде всего он позволяет представить результаты классификации в более обозримом и компактном виде. В частности, можно непосредственно установить степень и существо различия между любыми двумя классифицируемыми объектами: это видно из того, сколько и какие именно различительные признаки принимают у этих объектов разные значения. Универсальный тип классификации позволяет также упростить и унифицировать формулировку самых разнообразных правил (в особенности правил синтеза); например, без каких-либо ограничений могут применяться стандартные формулы типа: «проверить, какое значение принимает у рассматриваемого объекта такой-то различительный

признак»; «если рассматриваемый объект имеет такое-то значение определенного различительного признака, то . . .» и т. п.

Более существенна, однако, другая особенность универсальных классификаций, а именно то, что во многих случаях такая классификация позволяет глубже проникнуть в природу рассматриваемой совокупности объектов. В самом деле, первоначальное наблюдение как правило приводит к древовидной классификации наблюдаемых объектов: разделив объекты на классы по самому важному признаку (или признакам), наблюдатель обычно не сразу обнаруживает черты сходства во внутренней организации этих классов (поскольку это сходство замаскировано слишком большим материальным различием между объектами разных классов). Такие черты сходства, если они действительно имеются, открываются при последующем более глубоком изучении; соответственно первоначальная древовидная классификация в той или иной степени изменяется в сторону универсального типа. Так, например, универсальная система фонологических различительных признаков Р. Якобсона преодолела «барьер», разделявший гласные и согласные.

Разумеется, далеко не всякая универсальная классификация обладает такого рода внутренними преимуществами перед древовидной. Дело в том, что любую древовидную классификацию можно превратить в универсальную одними лишь внешними, чисто механическими приемами, никак не меняя конечного разбиения объектов на классы. Для этого достаточно ввести для каждого признака, встречающегося во взятой древовидной классификации, некоторое дополнительное значение (назвав его, например, «нулевым») и приписать его всем объектам, которые ранее вообще не характеризовались по данному признаку. (С формальной точки зрения, можно воспользоваться для этой цели даже одним из уже имеющихся значений данного признака.) Кроме того, можно объявить единым признаком любые два признака, выступающие в разных ветвях исходной древовидной классификации (не заботясь о том, есть ли между этими признаками реальное сходство)⁶. Таким образом, переход от древовидной классификации к универсальной может включать в себя как операции, позволяющие адекватнее отобразить природу изучаемого объекта, так и чисто внешние изменения формулировок, способствующие лишь стандартизации описания. Первые можно назвать «содержательной универсализацией», вторые — «механической универсализацией».

В существующих описаниях русской морфологии встречается только древовидный тип классификации. В настоящей работе

⁶ Существуют столь же механические способы превращения любой универсальной классификации в древовидную (здесь нет необходимости их рассматривать).

ввиду описанных выше преимуществ принята классификация универсального типа. Некоторые из ее отличий от существующих древовидных классификаций достигнуты за счет «содержательной универсализации». Там, где другой возможности не представлялось, применена «механическая универсализация».

Описываемая форма языка

§ 0.4. В настоящей работе предполагается, что внешняя сторона любой словоформы представлена в письменной форме⁷, а именно, записана по правилам действующей орфографии (за исключением случаев, где специально оговорено применение какой-то иной записи). При этом из разных вариантов орфографической записи выбран тот, в котором: 1) обозначается место ударения; 2) буква *ё* нигде не заменяется буквой *е*. Этот вариант записи мы будем ниже называть *а к ц е н т у и р о в а н н о й о р ф о г р а ф и ч е с к о й з а п и с ь ю*. В частности, в акцентуированной орфографической записи внешняя сторона словоформ предстает в начальный момент классификации парадигм; эта же запись является конечным результатом работы правил синтеза.

Наряду с акцентуированной орфографической записью, в некоторых разделах книги используется особая вспомогательная запись. Она является производной от акцентуированной орфографической записи (т. е. получается из последней по определенным правилам преобразования) и рассматривается лишь как технический прием, упрощающий некоторые разделы классификации и некоторые этапы синтеза. (Подробнее о роли вспомогательной записи см. § 6.35—6.36.)

Орфографическая запись отличается от прочих видов письменной записи прежде всего тем, что она общепринята. Именно она является нормальной формой фиксации уже созданных и создаваемых ныне русских текстов. Она же (обычно в своем акцентуированном варианте) применяется и в подавляющем большинстве существующих описаний русского языка, в частности во всех словарях. Все прочие виды записи — в частности, фонетическая, фонологическая, морфонологическая транскрипции — существуют не столько в реализованном виде (т. е. в виде записанных соответствующим образом русских текстов), сколько в виде правил,

⁷ Подчеркнем специально, что под противопоставлением письменной и устной форм языка здесь подразумевается только различие между записанным и звучащим текстом, а отнюдь не совокупность различий стилистического характера, отличающих тексты, существующие преимущественно в письменной форме (художественная литература, в особенности проза, научная литература, деловые бумаги и т. д.), от текстов, существующих преимущественно в устной форме (разговорных). Это второе различие иногда также называют противопоставлением письменной и устной форм языка.

позволяющих производить такие тексты. Нет и словарей, построенных на какой-либо из этих транскрипций. Правила записи языковых единиц с помощью фонетической, фонологической или морфонологической транскрипции теоретически могут быть независимы от орфографии, т. е. исходить непосредственно из звучания. Однако во всяком практическом изложении этих правил явно или неявно предполагается, что известен также орфографический вид рассматриваемых единиц; тем самым эти правила хотя бы частично предстают в виде «пересчета» от орфографической записи.

Существенно также то, что ввиду своей социальной значимости орфографическая запись имеет сравнительно четкую и общеобязательную регламентацию. Что же касается транскрипций разного рода, то здесь, как известно, нет полного единства; поэтому лингвист, пользующийся транскрипцией, обычно вынужден уточнять те или иные особенности используемой им системы транскрипции или даже полностью излагать эту систему.

В настоящей работе в качестве основного источника сведений о том, каковы словоформы рассматриваемых слов, используются словари (подробнее об этом см. § 4.2). Иначе говоря, классификации подвергается не результат собственных наблюдений автора, а материал, собранный усилиями многих лексикографов и грамматистов. Ввиду сказанного выше очевидно, что необходимо либо рассматривать этот материал непосредственно в той записи, которая применяется в словарях (т. е. в акцентуированной орфографической), либо, если предпочтительна какая-то иная запись, дать строгие правила перехода к этой новой записи от акцентуированной орфографической. Понятно, однако, что даже и в последнем случае в качестве исходной, первичной записи словоформ фактически выступает акцентуированная орфографическая, а переход к другой записи естественно рассматривать уже как начальный этап описания (ср. выше о вспомогательной записи). Таким образом, выбор акцентуированной орфографической записи обусловлен прежде всего существующей лексикографической и грамматической традицией.

Сама эта традиция, однако, имеет под собой глубокие основания. Дело в том, что для практики непосредственную ценность представляют только две формы существования языковых единиц: устная и обычная (т. е. неакцентуированная) орфографическая. В самом деле, всякую словоформу или иную языковую единицу необходимо, во-первых, уметь правильно произнести, во-вторых, уметь общепринятым образом записать. В русском языке ни одна из указанных форм не может быть выведена из другой непосредственно, без привлечения значительного количества дополнительной информации. В то же время из акцентуированной орфографической записи языковых единиц можно с помощью сравнительно простых правил получить как обычную

орфографическую запись, так и устную форму этих единиц⁸. Таким образом, акцентуированная орфографическая запись удовлетворяет сразу обоим указанным выше практическим потребностям. Именно это и делает целесообразным использование ее в словарях и грамматиках.

Вспомогательные указания

§ 0.5. В работе используется следующая классификация букв русского алфавита: 1) гласные буквы (сокращенно просто «гласные»): *а, е, ё, и, о, у, ы, э, ю, я*; 2) согласные буквы (сокращенно просто «согласные»): *б, в, г, д, ж, з, й, к, л, м, н, п, р, с, т, ф, х, ц, ч, ш, щ* (четыре из них: *ж, ш, ч, щ* — называются «шипящими»⁹); 3) *ь*; 4) *ъ*. Как особая буква русского алфавита (помечающаяся в самом его конце) рассматривается также дефис¹⁰.

В последующем изложении может быть использован термин «слог». Ему придается следующее значение: слог — это часть словоформы, содержащая ровно одну гласную и произвольное количество других букв. Для целей настоящей работы такого определения достаточно, поскольку во всех случаях, где будет применяться понятие слога, будет существенно лишь то, сколько слогов со-

⁸ Для перехода от акцентуированной орфографической записи к неакцентуированной достаточно снять знаки ударения. Переход к устной форме совершается по правилам, которые в практике преподавания называются «правилами чтения». Наиболее полным сводом таких правил для современного русского языка является работа Р. И. Аванесова «Сведения о произношении и ударении», включенная в АО (стр. 664—708).

⁹ Мы используем для единиц графического уровня названия «гласные», «согласные», также «шипящие» и т. д., относящиеся по своей природе к единицам фонетического уровня. В работе, где единицы фонетического уровня не рассматриваются, это не приведет ни к каким недоразумениям. Единственное неудобство состоит в том, что такое словоупотребление внешне перекликается с донучным неразличением буквы и звука; мы полагаем, однако, что на современном уровне развития языкознания это уже не опасно.

¹⁰ Исключение составляет случай, когда дефис ставится, в соответствии с традицией, перед отдельно выписанным окончанием, например: «окончание *-ами*» (с формальной точки зрения этот случай опознается по тому, что дефис стоит в начале выписанной буквенной цепочки). Здесь дефис не считается самостоятельной буквой и, следовательно, не входит в состав цепочки, образующей окончание.

Отметим, кроме того, что особой буквой русского алфавита должен считаться также апостроф: он содержится в некоторых иностранных собственных именах, например *Жанна д'Арк, д'Обинье, О'Кобнор*. Однако в наш исходный материал ни одно слово, содержащее апостроф, не входит. Это обстоятельство существенно для § 6.26 и 6.39, где апостроф использован как вспомогательный символ с иной функцией. (Для того, чтобы правила этих параграфов давали верный результат также для слов с апострофом, необходимо либо использовать там в качестве вспомогательного какой-нибудь другой символ, либо дополнить эти параграфы правилами, предусматривающими какое-то преобразование обычного, «орфографического», апострофа.)

ставляет заданная буквенная цепочка, а этот вопрос на основании данного определения решается однозначно. В частности, мы будем различать «слоговые» (т. е. образующие хотя бы один слог) и «неслоговые» (т. е. не образующие самостоятельного слога, иначе говоря, не содержащие гласной) буквенные цепочки; так, например, словоформа *камень* имеет слоговую (а именно, двусложную) основу *камен* и неслоговое окончание *ь*.

В соответствии с § 0.4 предполагается, что в каждой словоформе, рассматриваемой в настоящей работе, над одной из гласных стоит знак главного ударения (')¹¹. (В дальнейшем главное ударение называется просто ударением.) Мы будем говорить об этой гласной, что на нее падает ударение; то же самое может быть сказано и о слоге, содержащем эту гласную. Таким образом, формулировка «ударение падает на такой-то по счету слог» равносильна формулировке «ударение падает на такую-то по счету гласную».

Практически, однако, приводя словоформы или фразы в тексте книги, мы будем как правило опускать знаки ударения в следующих случаях: 1) если приводится целая фраза или словосочетание (т. е. любой связный текст, состоящий из двух или более словоформ), например: *вижу этого юношу, белая стена* (вместо *ви́жу этого ю́ношу, бе́лая стена́*); 2) в словоформах, где ударение падает на *ѣ* и во всех односложных словоформах (даже если они приводятся изолированно)¹², например: *тѣтя, трѣхрублѣвый, дом, нуль* (вместо *тѣтя, трѣхрублѣвый, дѣм, нуль*)¹³. Таким образом, следует различать, с одной стороны, тот вид словоформ, который является объектом нашего изучения (т. е. акцентуированную орфографическую запись), с другой — способ цитирования этих словоформ в тексте книги.

Необходимо специально подчеркнуть, что буква со знаком ударения не рассматривается как особая буква; так, например, считается, что словоформы *за́мок* и *замо́к* имеют одинаковый буквенный состав. В дальнейшем везде, где специально не оговорено обратное, под одинаковостью двух морфологических элементов (основ, окончаний и т. п.) будет пониматься именно одинаковость их буквенного состава; поэтому допустима, например, такая формулировка: «основы словоформ *го́ловы* и *го́лве* одинаковы, но имеют разное место ударения».

¹¹ Следует учитывать, что в наше рассмотрение не входят словоформы служебных слов (например, *е, и, на, для*). В работе не рассматриваются также случаи полной утраты ударения некоторыми именными словоформами в связи с переходом ударения на предлог (например, *за́ голоу, пѣд ноги, пѣ полу, на́ пять*); см. § 4.2.

¹² В словоформах, содержащих более одного *ѣ*, ударение всегда падает на последнее из них. Таким образом, знаки ударения, опущенные в соответствии с пунктом 2, восстанавливаются однозначно.

¹³ Разумеется, везде, где это почему-либо существенно, знак ударения может быть сохранен, например: *не знаю́ числа́* (ср. *не знаю́ числа́*).

Как известно, помимо главного ударения, в русском языке существует также второстепенное ударение (обозначается знаком '); оно характеризует начальный компонент (или начальные компоненты) многих составных слов, например: *радиопередáча, элѐктроприбѐр, элѐктромашиннострѐние*. Однако в отличие от главного ударения оно не является средством словоизменения, т. е. средством, способным противопоставить одни словоформы какой-либо парадигмы другим. Поэтому второстепенное ударение в настоящем описании вообще не учитывается¹⁴ и его знак в словоформах не ставится.

Мы будем называть *исходной* ту словоформу слова, которой это слово представлено в словарях (некоторые уточнения см. в § 3.2 и 3.4). Исходная словоформа обычно выступает в качестве названия самого слова, например: *дом, бѣлый, я*.

Выражение «слова на *x*» (где *x* — некоторая буквенная цепочка) ниже везде означает: «слова, исходная словоформа которых оканчивается на *x*». Точно так же выражение «слова с основой на *x*» означает: «слова, у которых основа исходной словоформы оканчивается на *x*». Цепочка *x* может иметь на одной из своих букв знак ударения. Это значит, что имеются в виду только исходные словоформы с указанным положением ударения; например, «слова на *ня*» — это *лыжня, ступня, ятерня* и т. д. (но не *пѣсня, бѣрышня*). Если при цепочке *x* дано уточнение «безударное», имеются в виду только исходные словоформы, где ударение за пределами конечного *x*; например, «слова на безударное *ня*» — это *пѣсня, бѣрышня* и т. д. Если же цепочка *x* не имеет ни знака ударения, ни указания «безударное», это значит, что положение ударения в исходной словоформе безразлично; так, например, «слова на *ня*» — это *лыжня, ступня, ятерня, пѣсня, бѣрышня* и т. д.

Списки слов как правило даются либо в обычном алфавитном порядке, либо в том порядке (не имеющем общепринятого названия), который используется в так называемых обратных словарях, например в Бильф. Второй из этих порядков мы будем ниже называть «обратным алфавитным» (это несколько неопределенное название следует считать просто условным; оно выбрано потому, что более корректные названия слишком громоздки). Только в обратном алфавитном порядке даются списки слов, представленные в виде нескольких столбцов.

Строение книги

§ 0.6. В настоящей книге автор исходит из вполне определенного представления о том, какова парадигма каждого из 55 000 русских имен, образующих исходный материал (т. е. каковы

¹⁴ Косвенным образом оно учитывается, правда, в некоторых особых случаях, рассматриваемых в § 6.26.